

У НИХ БЫЛА типичная купеческая наружность: бородачи, осанисты, глядели с хитроватым прищуром. Хоть сейчас — играть в пьесах Александра Островского! Представить их в чёрных приталенных кафтаном, сапогах "бутылками" да в картах — легче лёгкого. Великие гуру зодчества, братья Веснины, действительно происходили из торгово-промышленного сословия. Их родители отличались не только хваткостью и умением вести бизнес, но и немалой образованностью, что позволило Александру, Виктору и Леониду избрать свой путь, не связанный с перегоиями.

Активно поощрялся интерес детей к искусству. Виктор вспоминал: "Любовь к рисованию и живописи проснулась в нас уже в раннем детстве. Приблизительно с десятилетнего возраста мы стали писать этюды с натуры и, будучи очень дружны между собой, проводили прекрасные часы совместной работы на Волге. Уже с первых художественных опытов мы почувствовали большое влечение к архитектуре".

Они пронесли эту братскую дружбу через всю жизнь — редкая сплочённость в творческой среде, и, что характерно, даже работая порознь, они собирались на маленький семейный совет. У Весниных были общие вкусы и единый порыв.

В Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева проходит выставка, посвящённая братьям Весниным — их коллективному разуму, истокам, смыслу, победам и провалам. Начало — городок Юрьевец, что на Волге. Сердце Руси, берега, покой. Волжское купечество издавна славилось зажиточностью — тому способствовала сама Волга-матушка. Перед нами — фотография 1890-х годов. За столом вся семья — крупный отец и породная мать, а вокруг — отпрыски: три сыночка и лапочка-дочка Лидия. Такое представлено генеалогическое древо купцов Весниных, свидетельствующее о том, что они давным-давно "выбились в люди".

Далее — фотографии, сделанные в годы учёбы. Веснины сначала окончили Московскую практи-

ческую академию коммерческих наук — по требованию отца, а уже потом занялись архитектурой. Конец XIX — начало XX столетия — время открытий, выдумок, технической смекалки, интеллектуализма. Расцветали искусства, появлялись скандальные течения, выходили журналы и устраивались диспуты.

Шло энергичное освоение пространства — основным заказчиком была преуспевающая буржуазия, скупавшая целые кварталы для возведения доходных домов. Ширилось и промышленное строительство, приобретшее в эти годы особую эстетику — стиль ар-нуво коснулся и заводских стен. Кроме того, богачи нуждались в роскошных дачах. В экспозиции представлена ученическая работа Леонида Веснина — проект загородного дома. Лаконичность и шик, много стекла, башенка сбоку — уже точен почерк и твердая рука.

Русский Серебряный век — поиски Бога и национальной идентичности. Популярно допетровское искусство, в котором находили исключительную гармонию. О вере и библейских нормах говорили все: и адепты истинного православия, и сторонники какой-нибудь "религии будущего", когда всё человечество сольётся в экстазе общего дела, и нехристи-атеисты. Зодчие буквально соревновались — кто построит наиболее эффектный храм. На выставочных стендах — проекты церквей, создававшиеся Весниными. Запоминается дипломная работа Александра — тонкий баланс вертикальных и горизонтальных линий, созвучие традиций с реалиями дня, чёткий силуэт.

Не забывали Веснины и о культурных ценностях. Изящна белая церковь Благовещения в родном Юрьевце — этот памятник 1700-х годов скрупулёзно фотографировал и зарисовывал Леонид Веснин. Больше того, он собрал все чертежи, а некоторые выполнил сам. На выставке можно увидеть один из рисунков Леонида. К сожалению, церковь была разобрана в 1950-х годах при строительстве Горьковского водохранилища.

ВЕСНИНЫ быстро сделали востребованными специалистами, причём не как трио талантливых ребят, а по отдельности. В экспозиции представлены и реализованные, и несостоявшиеся варианты. На одном из стендов — эскиз посёлка-сада Никольское, распланированный Виктором при участии Александра. То была наиводнейшая тема, пришедшая из Англии. В 1898 году британский философ-социолог Эбенизер Говард явил миру свой фундаментальный труд "Города-сады завтрашнего дня". Он утверждал, что мегаполис — это скопище грязи и пороков, а ускоряющийся ритм жизни и растущие вверх дома-монстры ухудшают ситуацию до предела. Однако сельский уклад в его первоизданном виде не отвечает условиям современного бытия — он чересчур патриархален и медлителен. Выход — в создании поселений, объединяющих лучшие качества полиса и деревни. Это целесообразный компромисс.

Посёлок Никольское представлял собой ряд единообразных, уютных строений, окружённых зеленью. Предполагалось, что этот оазис расположится в окрестностях Москвы, за линией Окружной железной дороги. В отличие

Проект Дворца Советов. Архитекторы Леонид, Виктор и Александр Веснины. 1933 г.

зодчего, а Симов декорировал постройку — сейчас его называли дизайнером интерьеров. Дача великолепна — башенки, эркеры, бревенчатые срубы, и всё это спаяно в единый комплекс. Первоначально задумывался "деревенский" стиль, но затем авторы внесли изрядную долю но-

Александр Веснин проявил себя и как отличный сценарист — он сотрудничал с Малым и Камерным театрами, а его костюмы и декорации были сплавом кубизма, супрематизма и классики. На выставке есть эскизы к спектаклю "Ромео и Джульетта" для Камерного театра, хотя деспотичный мэтр Таиров отверг рисунки Веснина, отдав предпочтение Александру Экстеру.

Братья Веснины уловили дыхание времён — тогда во всём мире началась эра минимализма и радио. В России возникло своё течение — конструктивизм, сочетавший в себе простоту с элегантностью, а чеканность форм — с ясностью содержания. Леонида, Виктора и Александра Весниных по праву считают авангардом конструктивизма — они писали статьи, преподавали и главенствовали. Удивительная пластичность — они мгновенно переучились и не застряли в былых культурно-эстетических воззрениях. Иных коллег раздражала эта всезудность — братья добились успеха, стоя плечом к плечу.

В 1920-х годах перед архитекторами высились непривычные задачи — дома-коммуны, фабрики-кухни, клубы на базе предприятий, общественные столовые. Во главе угла — коллективность и массовость, а не потребности индивидуума. Это десятилетие — звёздный час братьев. Им поручают создавать районы и кварталы — их эскизы представлены в экспозиции. По сути, Веснины включились в процесс переустройства быта.

Понадобились и магазины, оснащённые по последнему слову техники. Стекло, бетон, динамичность, прорыв. Долгой затхлые нэпманские лавки! Вот — набросок одного из торговых пунктов Мосторга — того, что на Красной Пресне. Лапидарный силуэт и море света — в эру конструктивизма предпочитали индустриальные окна. Это здание существует и поныне, а статус объекта культурного наследия мешает алчным делягам занять ходкое местечко под свои позорища.

Пресненский универсам часто атрибутируют как коллективное произведение братьев, тогда как в его разработке участвовал конкретно Леонид — об этом свидетельствует и подпись на про-

екте, но мощь триединства была такова, что создаваемое одним из Весниных тут же приписывалось и двум другим. Разумеется, Леонид делился замыслами с Виктором и Александром, а они подсказывали ему, если видели в том необходимость.

В 1930-х годах Веснины участвовали во всех конкурсах. Чертог Наркомтяжпрома предполагалось возвести на месте Верхних Торговых Рядов (ныне — ГУМа), что являлось ещё и символическим жестом — хотелось поручить купеческую лепоту, сработанную в праничном неорусском стиле. Здание Наркомтяжпрома должно было стать главной московской доминантой и подчинить себе каждый переулок. Древний Кремль терялся бы возле горделивого соседа. Гигантомания — новый тренд. Веснины предложили два варианта. Например, стеклобетонное диво с агрессивными эркерами. По ночам этот дом-феерия озарял бы пол-Москвы, пылая неиссякаемым электросветом.

Вторая версия оказалась чуть скромнее, хотя и не менее помпезной — ступенчатое сооружение с неоклассическим длинным фасадом — этот рисунок можно увидеть на выставке. Внятный конструктивизм уступил место сложной элктике. Возвращение Наркомтяжпрома не состоялось, но эти монструозные дворцы отметились в истории архитектуры как пример сумасбродного дерзания.

Затем была эпопея с Дворцом Советов — этой Вавилонской башней победившего социализма. На этот раз Веснины предложили чрезмерно "простецкую" конструкцию, но чистая геометрия не отвечала потребностям. Пафос — вот что привлекало и власть, и массы. В результате победили грёзы Бориса Иофана, которые не воплотились в силу их яркой надуманности — капризным грунтам без разницы, что там восхотели зодчие.

В конце 1930-х Веснины отошли на второй план. Никаких гонений и травли — просто в фавор попали иные мастера. Вместе с тем вклад братьев неосцинен. Их наследие изучают и в России, и за рубежом. Смелые, дружные, лишённые зависти — таковы были эти сыновья волжского негоцианта.

Проект здания Ивановского сельскохозяйственного банка. Архитектор Виктор Веснин. 1927 г.

ПАФОС УМЕСТЕН

О новом музыкальном альбоме Виталия Аверьянова

ВИТАЛИЙ Аверьянов — философ, публицист, знаток искусств и бард. По сути, он — человек эпохи Просвещения, когда каждый учёный был одновременно поэтом и приверженцем какой-нибудь философской ветви. Помнится, Александр Проханов назвал Аверьянова русским ведуну, при этом добавив, что есть тут нечто и от скомороха. Без преувеличения, Виталий Аверьянов — современный гуру. В стихах поэта-барда много иронии, боли, сарказма, патетики, воли к жизни. Всего понемногу, а на выходе получается интересный феномен. Песни Аверьянова — это долгие баллады, но в то же время — плакаты, лозунги. Не только спето, но и выкрикнуто. Многие вызывает оторопь напополам с восторгом.

Передо мной — роскошно оформленный диск с броским названием "Шокотерапия". Красно-бело-чёрный фон, а на обложке — часы. Стиль — супрематизм. Аверьянов говорит с нами о времени. Каждый его диск — это веяние эпох. Прошлое пересекается с настоящим и влияет на будущее.

В песне "Тризна", которая, пожалуй, одна из лучших на диске, автор беседует (а эти песни ещё и беседы!) о проблемах Рода, о русскости, о чести и бесчестии: "Пока славянофилы-простофилы / Пускали нюни по чужим меню, Россию проморгали, упустили — / Их западники вдрызг перешустрили, / Загнав её в глухую западню..." Действительно, пока наивные почвенники трепались чуть ли не о возвращении монархии, Чубайсы и компания присваивали богатства советского народа, а мальчишки с крепкими затылками устраивали побоища на "стрелках". И вот — момент истины: "Средь этих людоедских дастарханов, / Где под доской coste русская хрустит, / Оплёванный, как шут, плевыми хамова, / Возвысил голос лишь один Проханов / И как скала все тридцать лет стоит". Многие ли сейчас помнят, что именно Александр Андреевич в гордом одиночестве поддерживал ГКЧП (хотя они оказались слабы и не достойны столь мощной поддержки)? Про-

ханов по сию пору скорбит о развале Красной Империи, а газета "Завтра" — единственное издание, не изменившее себе и своим убеждениям.

А что же мы? Аверьянов действует, как отменный символист: "А мы — что партизаны под Антантой, / Народ наш анархист и монархист — / Не признаёт плечистого Атланта, / Будь пацифист, буржуй он иль нацист. — А всё одно: непоротый нарцисс..." Имеется в виду книга американской писательницы Айн Рэнд (настоящее имя — Алиса Зиновьевна Розенбаум) "Атлант расправил плечи", эта своеобразная Библия американского консьюмеризма. Евразийство ментально противостоит британо-штатовскому атлантизму с его блистающим "традом на холме". Потому что у нас на холме — Божий храм.

Каждая строчка Аверьянова — тонкая отсылка к явлениям, книгам, смыслам. Он, как философ, рассчитывает на умную публику, а как бард, чрезвычайно эффектен. Его песни — для вдумчивого слушания.

Иной раз он рубит с плеча и делает это выразительно. "Что где запрещена идеология, — / Там, хоть не хошь, пиарщики рулят", — поётся в песне "О транзитах и трансферах". Одна из бед современного общества — отсутствие внятного курса. Красивые слоганы о "религии Победы" и "линии патриотизма" — всё это не скреплено единым законом, а потому остаётся висеть в воздухе. Человеку нужна конкретность, иначе он впадает в крайности, ереси, безмыслие.

Виталий Аверьянов, как поэт, играет словами: "А мудрецы — притягивают ямы, / Всё в небо смотрят, слабо закусив. / Отыщется на каждого долдона Фукуяму / С десятком аварийных Фукусим..." Фукуяма и Фукусима — конец истории да катастрофа. Сплетённые рифм и ритмов, рождающее особые резоны. На всё-то Аверьянов смотрит со своих колоколен!

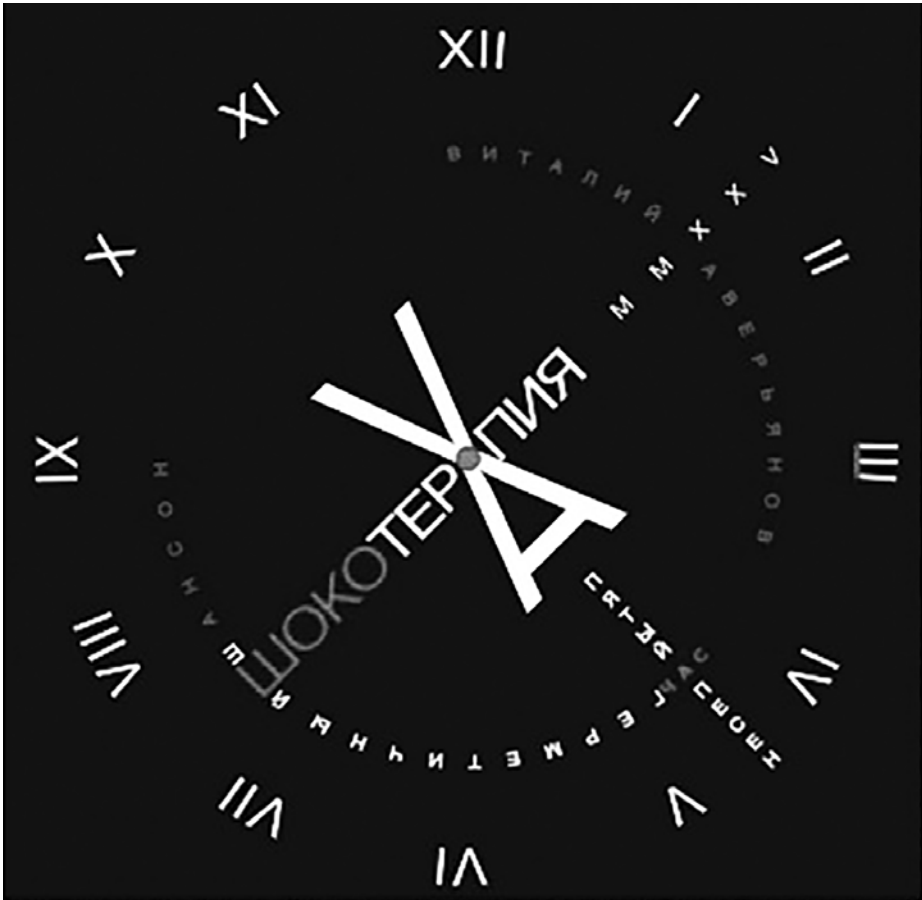
В балладе "Война" — критика современного европеизма, погрязшего чёрт знает в чём: "Из тучных почв пресыщенной Европы, / Её святых чудес, крутых

витрин / Поднялся под едва заметный ропот / Её дитя — новейший исполн. / Она могла казаться райским садом, / Но он залез в алтарь с сардомским задом... И тянет адом..." Песня о том, что наша Спецоперация — это не об Украине, ставшей жертвой Майдана и болезненной тяги к Евросоюзу, но об эпичной битве с коллективным Западом.

"Украине люблю с бисом стряпать флирт. / Знать, панночка у них ещё не вмерзла. / Тикал наш Крым, ну а Донец горит, / И на него оцерены все жерла", — а это уже произведение "Украина", где Аверьянов рассуждает о том, что Малороссия предала не столько Россию, сколько саму себя. Это боль и гнев, перемешанные с нормальной людской жалостью. Хохлов, как бы то ни было, жаль — они попросту чванливые иуды и, если честно, дураки. На что вы променяли самих себя? Аверьянов отвечает: "Евроремонт, бельишко кружевное. / И вышла наша близкая родня / В междоусобье злое, ножевое..."

В песне "Шокотерапия", давшей название всему диску, автор выступает как злой, но справедливый сатирик: "Взмокрели от истерики / Ребята-эзотерики. / Зато молчок историки, / С эпохи перестройки. / Все в курсе в нашей клинике, / И физики, и лирики: / Попробуйте захнычте-ка — / Назначат инсулинчика..." Это о нашей бытности — с засильем эзотериков и бесконечными искажениями истории. Мир-дурдом, Канатчиково дача, где правда — это ложь, а уродство — прелесть. Переkreнный перевёртыш в преддверии конца света. Или он уже случился, и мы живём в иной реальности? Хотелось бы верить, что это не так.

"НЕИСТОВЫ" мы и невероятны... / Наш авангард — летучий Русский Мир", — вещает Аверьянов в щемяще-грозовой песне "Новый термидор". Мы словно бы затерялись "между краями и углами", особая цивилизация, за которой — Будущее. Русский путь — узкий, идти по нему чрезвычайно трудно. Однако

это — небесная дорога. Сказано же: неистовы и неимоверны. Это перекикается с блоковским: "Нам внятно всё". Ощущение громадного пространства и горных высот. Аверьянов умеет быть пафосным, но этот пафос, что называется, не бьёт по ушам. Это попадание в самое сердце.

А здесь та самая лозунговость: "Так дерзай же, владычествуй, пой и твори! / И антихрист не встрянет в пределы твои". В строках "Первопрестольной" каждая строка просится на плакат: "Нет, её не сотрясть и не завоевать, / — Среднерусской равнины не сдвинуть на пядь". И снова — дивно изыщные рифмы, что сливаются в едином потоке песенного стихотворчества.

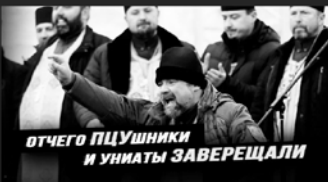
Итоговая песня, "бонусный трек" "Про мои таланты" — это забавный и поучительный рассказ о времени и о себе: "Я с

эпоху моей на ноге короткой, / С дерзновением, панибратаки обращаюсь с ней. / Не уехал, не сломался, не упился водкой. / Якоря мои — таланты, ждали лучших дней". Аверьянову свойственна самоирония — он пишет о том, как в юности с ребятами сколотил рок-бэнд, далее повествует о своём житье-бытье. Открыто, весело, с изюминкой. Чего достиг, а что было и даром не нужно. Благо "...и в утиль идёт эпоха тех, кто нас списал".

Что объединяет все эти песни? Удивительная свобода самовыражения — такая свойственна лишь настоящим стихослагателям. Что касается музыки, то она и лирична, и жестка, и порывиста, и по-скоморошнему легковкрыла. Каждый найдёт своё. Но главное, "Шокотерапия" заставляет думать.

Материалы полосы подготовила Галина ИВАНКИНА

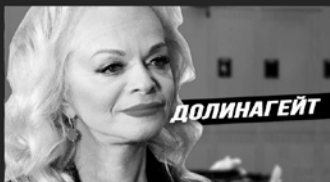
СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»

ОТЧЕГО ПИЧУГИНИ И УНИАТЫ ЗАВЕРЕЩАЛИ

ГЛАВА НАТО «ПРИСЯГНУЛ» ГИТЛЕРУ

ДОЛИНАГЕЙТ

EVROPA EST OMNIS DEVIZA IN PARTES TRES

НАСТУПАЕТ НАШЕ «ЗАВТРА»

ПРОЕКТ ЧУКОТСКОГО СУДОХОДНОГО КАНАЛА?

ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ США НА ПЕРЕГОВОРАХ